

Мініяцюры А. Разанава наскрозь прасякнутыя асабістым, у іх праяўляецца індывідуальнасць аўтара, непаўторнасць яго светаўспрымання і светаадчування. Разам з тым у версэтах (якія згодна з жанрам лірычнай мініяцюры, з'яўляюцца толькі замалёўкай, эскізам) праз ёмістасць вобразаў, параўнанняў, эпітэтаў індывідуальнае пашыраецца да агульначалавечага ўзроўню:

На другі год вайны не вырасла жыта на полі, не вырасла бульба, а выраслі лозы.

Узяўся я дзерці з лозаў кару – а яны з жалеза,

узяўся сякераю секчы лозы – стала з іх сытаца на зямлю жалезнае зерне,

узяўся выкопчаць лозы рыдлёўкай – стала выкопчаца з-пад каранёў жалезная бульба [2, с. 252].

Такім чынам, у версэтах А. Разанава прасочваюцца важныя прыкметы жанру лірычнай мініяцюры. Для твораў характэрна відавочная і выразная прысутнасць лірычнага героя, рэфлексія якога абумоўлівае філасофска-крытычную скіраванасць мініяцюр. Увасоблены ў героі вобраз аўтара выступае дамінантай версэтаў, яго душэўныя перажыванні выяўляюцца не столькі праз эмоцыі, колькі праз думкі, і гэта дае падставы вызначаць творы аўтара як зарыентаваныя на разумовае, інтэлектуальнае ўспрыняцце. Уласцівыя для жанру мініяцюры вобразнасць і вольная форма выказвання дазваляюць А. Разанаву пашыраць асабістае да агульначалавечага.

Версэты з'яўляюцца лірычнай праяўленай мініяцюрай, іх лірызм вызначаецца моцна выражаным суб'ектыўным пачаткам, праз які перадаецца непаўторнасць светапогляду аўтара.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1 Кісліцына, Г. М. Лірычная мініяцюра як жанр беларускай літаратуры / Г. М. Кісліцына. – Мінск : Беларуская навука, 2000. – 118 с.

2 Разанаў, А. Танец з вужакамі : выбранае / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 462 с.

The article detects A. Razanau's versets as the genre of lyrical miniature. The features of the genre are the manifestation of the lyrical hero, the presence of the author's experience, the subjectivity of the perception of reality, the free form of expression. It is argued that the lyricism of versets is determined by pronounced subjectivism, the reflection of the lyrical hero sets the philosophical orientation of the miniatures.

УДК 811.161-3*Маяковский

А. О. ЛУШКОВСКАЯ

г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВ *ЛЮБИТЬ*, *ЛЮБОВЬ* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. МАЯКОВСКОГО

В статье анализируются особенности употребления слов любить и любовь в стихотворениях и поэмах Владимира Маяковского. Выявляется сочетаемость названных слов с согласованными определениями, отмечаются синонимичные и антонимичные номинации. Обращается внимание на использование Маяковским окказиональных слов, которые позволяют автору выразить глубокие любовные переживания.

Фигура Владимира Маяковского в настоящее время вызывает большой интерес у исследователей в связи недостаточной изученностью его творчества. Маяковский долгое время воспринимался исключительно как поэт революции, что привело к одностороннему восприятию

художественного мира поэта, а его произведения о человеческих эмоциях (прежде всего, о чувстве любви) были недостаточно исследованы.

Как известно, глагол *любить* в современном русском языке многозначен, и его отдельные значения объединяются «наиболее абстрактной семьей ‘стремиться, тяготеть к чему-либо, кому-либо’» [2]. По данным «Большого толкового словаря русского языка» этот глагол употребляется в следующих значениях: ‘чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо, быть преданным кому-, чему-либо (*любить мать, любить Родину*); ‘испытывать чувство расположения, симпатии’ (*любить первую учительницу*); ‘испытывать сердечную склонность к лицу другого пола’ (*любить свою невесту*); ‘чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-либо’ (*любить искусство*); ‘иметь пристрастие к чему-либо (о пище)’ (*любить тушеные овощи*); ‘нуждаться в каких-л. условиях как наиболее благоприятных (о животных, растениях)’ (цветы любят воду).

Значения имени существительного *любовь* в русском языке соотносятся с выделенными семантическими вариантами глагола *любить*: ‘чувство глубокой привязанности к кому-, чему-либо’ (*материнская любовь*); ‘чувство расположения, симпатии к кому-либо’ (*братская любовь*); ‘чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола’ (*жениться по любви*); ‘внутреннее стремление, влечение, склонность’ (*любовь к книгам*); ‘пристрастие у чему-либо, предпочтение чего-либо’ (*любовь к спорту*) [1, с. 509].

Вполне очевидно, что наибольший интерес вызывает рассмотрение особенностей употребления глаголов *любить* и *любовь* в значениях, связанных с проявлением сердечной склонности, любви к лицу другого пола, поскольку чувственная любовь связана с глубокими, всеохватывающими эмоциональными переживаниями: «Любовь во все века была направляющей человечества на пути к гармонии жизни» [2]. В одном из своих дневников Владимир Маяковский, обращаясь к Лилии Брик, писал: «Я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему, любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Все равно люблю. Любовь – это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи, и дела, и все прочее. Любовь – это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но если сердце работает, оно не может не проявляться в этом во всем. Без тебя я прекращаюсь. Это было всегда, это и сейчас» [2]. Вместе с тем, в поэме «Люблю» поэт говорит и о сниженном, пошлом понимании любви: *У взрослых дела. В рублях карманы. Любить? Пожалуйста! Рубликов за сто.*

Следует подчеркнуть, что достаточно трудно разграничивать понятия «автор» и «лирический герой» применительно к творчеству Владимира Маяковского: «Лирический герой Маяковского – это своеобразный автопортрет самого автора, в котором отражаются не только черты его характера и манера поведения, но и детали внешности и даже речь» [3, с. 133].

Любовь является сложным, противоречивым чувством, наполненным как позитивными, так и негативными переживаниями. Нередко сопутствующими состояниями любви являются боль, дискомфорт: *Я ж навек любовью ранен – / Еле-еле волочусь. / Мне / любовь / не свадьбой мерить: / разлюбила – / уплыла* («Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви»). Краткое страдательное причастие *ранен* непосредственно указывает на болезненное состояние человека (сравн. общеизвестное символическое обозначение любви – пронзенное стрелой сердце). Данное причастие образовано от глагола *ранить*, который имеет два значения: прямое ‘наносить рану’ и переносное ‘причинять кому-либо душевную боль, страдание’ [1, с. 1085]. В данном случае слово *ранен* используется для выражения и физического, и душевного состояния лирического героя. С одной стороны, любовь может ранить только в переносном смысле: причинить страдание, а с другой – словосочетание *еле-еле волочусь* (т. е. медленно передвигаюсь, тащусь) указывает и на физическую опустошенность человека. В данном контексте можно рассмотреть и глагол *разлюбить*, в котором приставка *раз-* указывает на завершенность действия, прекращение чувства. Брак понимается поэтом как явление старое, отжившее, мешающее счастью, поэтому он и употребляет выражение *мне любовь не свадьбой мерить*.

К мотиву дискомфорта и боли относится и понимание любви лирическим героем в лирическом произведении «Лиличка!»: *Все равно / любовь моя – тяжкая гиря ведь – / висит на тебе, / куда ни бежала б.* Слово *любовь*, употреблённое в этом случае в сочетании с местоимением *моя*, образно отождествляется с тяжкой (то есть тяжелой) гирей, что создает представление о любви как о чувстве и состоянии, связанными с отягощением, затруднением.

Названное стихотворение включает в себя и другие размышления лирического героя о любви: *Кроме любви твоей, / мне / нету моря, / а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых; Кроме любви твоей, / мне / нету солнца, / а я и не знаю, где ты и с кем.* Благодаря употреблению существительного *море*, любовь приобретает значение обширности, необъятности, исключительной важности, поскольку слово *море* в таком случае реализует переносное значение ‘большое количество чего-либо’. Любовь поэта отождествляется в приведённом контексте с солнцем, соответствующее слово употреблено Маяковским в переносном значении ‘о том, кто является источником жизни и счастья для кого-либо’ [1, с. 1233].

Сравнение любви со стихиями встречается в стихотворении «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви»: *Любовь загудит – человеческая, простая. / Ураган, огонь, вода / подступают в ропоте / Кто сумеет совладать? / Можете? Попробуйте...* [1, с. 435]. Прилагательные *человеческая* и *простая* являются синонимами слова *земная*, которое в переносном значении называет нечто обыденное, житейское. Подобное чувство выступает как явление более сильное, чем стихии огня, ветра и воды. Наделение любви такой силой характерно для идиостиля писателя. Стоит обратить внимание на глагол разговорного стиля *загудеть*, который в данном контексте *гудеть* реализует значение ‘испытывать ноющую, ломящую боль’ [1, с. 234].

Появление любви вербализуется не только позитивными лексическими единицами *счастье, радость, тепло*, но и такими негативно-оценочными номинациями, как *зло, боль, измена*. Однако в каждом контексте отображается всеисиле любви, ее могущество. Чаще всего любовь наделяется силой огня: *Завтра забудешь, что тебя короновал / Что душу цветущую любовью выжесг* («Лиличка!»). Огонь представляется уничтожающей и губительной стихией: глагол *выжесчь* указывает на наделение любви свойствами огня и реализует значения ‘сжечь до конца, целиком’, ‘сделать знак, рисунок на чем-н. раскалённым предметом’ [1, с. 171]. Душа при этом понимается как локализация, место нахождения человеческих чувств.

В поэме «Облако в штанах» большая роль отводится рассмотрению чувства любви с позиции главного героя: *Будет любовь или нет? / Какая – / большая или крошечная? / Откуда большая у тела такого: / должно быть, маленький, / смирный любёночек.* В первую очередь можно отметить использование окказионализма *любёночек* – как можно предположить, это слово употреблено в значении ‘неглубокое, поверхностное чувство’. При этом лирический герой разграничивает любовь на *большую* и *крошечную*. Очевидно, что речь здесь в данном случае идёт о степени проявления чувств. Прилагательное *большой* можно рассмотреть здесь как ‘значительный по силе, интенсивности, глубине’ [1, с. 90]; в то же время *крошечный* – очень маленький или ‘незначительный по силе, по степени проявления’ [1, с. 473].

У Владимира Маяковского можно обнаружить мотив возникновения и окончания любви. Однако реализуется это в текстах произведений весьма своеобразно: *Любовь поцветёт, поцветёт – и скукожится* («Люблю»). Глагол *цветети* многозначен. В переносном значении он обозначает ‘находиться в расцвете сил, молодости, красоты’ [1, с. 1458]. С этим словом ассоциируется непосредственно начало и развитие чувства, которое, по мнению лирического героя, после цветения *скукожится*, то есть утратит первоначальный вид под каким-либо внешним воздействием.

В поэме «Флейта-позвоночник» любовь также прослеживается как явление уходящее и приходящее: *Знаю, / любовь его износила уже. / Скуку угадываю по стольким признакам.* В данном контексте слово *любовь* отождествляется с существительным *скука* ‘состояние душевного томления, уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему’ [1, с. 1204]. Данное слово по своему лексическому значению противопоставлено пониманию

любви как жизнеутверждающего чувства, однако в данном произведении эти слова взаимосвязны. На «завершенность» чувства любви указывает глагол *износить*, который в прямом значении обозначает ‘приводить в негодность (одежду, обувь, механизмы)’, в переносном – ‘истощать чьи-л. силы, здоровье и т.п.’ [1, с. 384]. Истощение непосредственно указывает на ослабление и упадок чувств.

Дополнительное значение ослабления чувства и завершенности у слова *любовь* проявляется в следующем контексте: *Любовь* любому рожденному дадена, / Но между служб, / доходов / и прочего / Со дня на день / очерствеает сердечная почва («Люблю»). *Любовь* метафорически обозначена как *сердечная почва*, которая со временем очерствеает. Глагол *черствеет* имеет лексическое значение ‘стать равнодушным, огрубелым, черствым’ [1, с. 1475]. Сердце выступает в роли места, где «расположено» чувство любви. Это обнаруживается и при определении лексического значения прилагательного *сердечный*: ‘связанный с чувствами, переживаниями’ (*сердечные волнения, сердечная обида*), а также ‘связанный с любовью, влюбленностью; любовный’ (*сердечная драма, сердечные тайны*) [1, с. 1177]. Употребление словосочетания *сердечная почва*, на наш взгляд, можно считать авторским.

В поэме «Люблю» слово *любовь* стоит в однородном ряду со словом *ненависть*, противопоставляясь ему: *Что вышло / Больше чем можно, / больше чем надо – / будто / поэтовым бредом во сне навис – / комок сердечный разросся громадой: / громада любовь, / громада ненависть*. С одной стороны, номинации *любовь* и *ненависть* представляют собой одно целое, содержащееся в *комке сердечном*, а с другой стороны, они являются лексическими антонимами: *ненависть* ‘чувство сильнейшей вражды, злобы’ [1, с. 628] ↔ *любовь* ‘чувство глубокой привязанности к кому-, чему-либо’ [1, с. 509].

Автор указывает и на локализацию любви у человека – сердце, иронично называя его «сердечным комком». Кроме этого, *любовь* и *ненависть* в поэтическом тексте имеют «измерение», выраженное словом *громада*, которое в первом значении обозначает предмет или сооружение очень больших размеров.

Употребление слова *любовь* Владимиром Маяковским в поэме «Облако в штанах» в форме множественного вносит в эту номинацию добавочный смысл: слово, принадлежащее к разряду абстрактных номинаций, выявляет конкретную семантику: *Это сквозь жизнь я тащу / миллионы огромных чистых любовей / и миллион миллионов маленьких грязных любят* («Облаков штанах»). Слово *любви*, реализующее в данном случае значение ‘конкретные проявления любовного чувства, конкретные любовные истории’, противопоставляется в данном случае индивидуально-авторскому неологизму *любят* ‘случайные любовные связи’, наделённого негативно-оценочной коннотацией. Со словом *любви* согласуются определения, которые имеют позитивные ассоциации: *огромный* используется в значении ‘очень большой по силе, по степени проявления’ [1, с. 699]; *чистый* реализует несколько значений: ‘нравственно безупречный, правдивый и честный, без грязных, корыстных помыслов и действий’; ‘не заключающий в себе лжи и обмана’ [1, с. 1481]. Что касается словосочетания *маленьких грязных любят*, то на пренебрежительный оттенок значения указывают прилагательные *маленький* и *грязный*. *Маленький* противопоставлено слову *огромный* по значению и указывает на слабую степень проявления чувств, слово *грязный*, будучи антонимом слова *чистый*, имеет переносное значение ‘вызывающий моральное отвращение; гнусный’ [1, с. 233]. Можно обратить внимание и на указанное количество *любовей* и *любят*: *миллионы* и *миллион миллионов*. На наш взгляд, этим лирический герой хотел показать значимость любви и присутствие в реальной действительности похожих на любовь чувств «низких» страстей – «любят».

Приведенный материал свидетельствует о значительной смысловой и стилистической нагрузке, которой наделяются слова *любить* и *любовь* в поэтическом творчестве Владимира Маяковского. Очевидно также, что названные слова помещаются поэтом в общенегативный контекст, связанный с обстоятельствами его личной жизни.

Список использованной литературы

- 1 Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
- 2 Кирдун, Е. В. Семантические особенности глагола *любить* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/k/kirdun_e_w/smysl.shtml. – Дата доступа: 15.02.2022
- 3 Марзаганова, Л. М. Любовные мотивы поэзии В. Маяковского / Л. М. Марзаганова, А. М. Булгучева, Х. М. Касиева // Молодой ученый. – 2020. – № 3 (293). – С. 132–134.
- 4 Янгфельдт, Бенгт. Любовь – это сердце всего: В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка 1915-1930 / Бенгт Янгфельдт. – М. : Книга, 1991. – 287 с.

The article analyzes the features of the use of the words love and love in the poems and poems of Vladimir Mayakovsky. The compatibility of the named words with the agreed definitions is revealed, synonymous and antonymous nominations are noted. Attention is drawn to Mayakovsky's use of occasional words that allow the author to express deep love experiences.

УДК 811.161.3'42'37:398.92(=161.3):633.358

В. А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

г. Гомель, УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны”

СІМВОЛІКА ГАРОХУ І ВОБРАЗЫ БЕЛАРУСКІХ ФРАЗЕЛАГІЗМАЎ З КАМПАНЕНТАМ ГАРОХ

У артыкуле на матэрыяле дыялектных і літаратурных фразеалагізмаў беларускай мовы з кампанентам гарох як рэпрэзэнтантаў гастронамічнага кода культуры выяўляюцца прычыны адбору кампанента як асновы ўтварэння вобразаў фразеалагізмаў. Устанаўліваецца культурная інфармацыя фразеалагізмаў як вынік сімвалікі, эталанізацыі, стэрэатыпізацыі гароху ў народнай свядомасці для прадстаўлення вынікаў пазнання беларусамі саміх сябе ў дыяпазоне культурна-нацыянальнай самасвядомасці і яго фразеалагічнай рэпрэзэнтацыі.

Мова выступае інструментам канцэптуалізацыі і спосабам фіксацыі вынікаў гэтага працэсу – нашай карціны свету, нашых ведаў аб ім. З ліку розных адзінак мовы фразеалагічныя адзінкі (ФА) выдзяляюцца выключнай здольнасцю да назапашвання пазамоўнай інфармацыі, з’яўляюцца самымі значымі скарбамі мовы, здольнымі канцэнтравана выразіць адметнасць мовы, яе носьбітаў, іх светаадчуванне, склад розуму, менталітэт. ФА «не толькі ўключаюцца ў сінхранію дзеючай сістэмы культурна-нацыянальнага светаразумеання, але і, трансліюючы яе фрагменты ад пакалення да пакалення, “навязваюць” гэта светаадчуванне носьбітам мовы, удзельнічаюць у яго фарміраванні як індывідуальнай моўнай асобы, так і моўнага калектыву» [1, с. 308]. ФА як другасныя адзінкі мовы, як прызнаныя адзінкі культуры кожнага народа выяўляюць закладзены ў іх культурны сэнс, культурную інфармацыю. І дасягаецца гэта найперш пры ўтварэнні ФА ў выніку адбору слоў-кампанентаў, што надзелены пэўным культурным сэнсам, уласцівым ім сімвалічным зместам, і ўтварэння з імі вобразаў праз выкарыстанне пэўных сінтаксічных канструкцый, што матывуюць культурна значныя сэнсы і тую ролю, якую яны здольны выконваць як знакі «мовы» культуры – эталоны, стэрэатыпы ці сімвалы.

Абраўшы мэтай вывучэння гастронамічны код культуры беларусаў, што рэпрэзэнтаваны ФА беларускай мовы і які сярод розных кодаў культуры з’яўляецца адным з асноўных, а па сутнасці базавым у вызначэнні нацыянальна-культурнай адметнасці народа, спынім увагу на групе